

ЛАМАЖАПОВ Э.Л.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КОРЕЙСКИЙ БУДДИЗМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», № 14-18-00444.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые политические аспекты использования буддистской публичной дипломатии на Корейском полуострове, история и перспективы развития дипломатии Республики Кореи в отношении буддизма, анализируется влияние буддийской публичной дипломатии на создание национального имиджа Кореи за рубежом, а также его использование для улучшения отношений с КНДР и дальнейшего воссоединения Кореи.

Ключевые слова: буддизм, Корея, корейский буддизм, Северная Корея, объединение.

LAMAZHAPOV E.L.

PUBLIC DIPLOMACY AND KOREAN BUDDHISM

Abstract. The paper analyzes several political aspects of the use of Buddhism as a tool in public diplomacy on the Korean peninsula, its history and the outlook for development of the diplomacy of the Republic of Korea in respect to Buddhism. In particular, the paper analyzes the influence of Buddhist public diplomacy on the construction of Korea's national image abroad, as well as its role as a tool for fostering relations with the DPRK with the goal of the eventual re-unification of Korea.

Keywords: Buddhism, Korea, Korean Buddhism, North Korea, re-unification.

Публичная дипломатия – это относительно новое понятие в международных отношениях, обозначающее диалог актора дипломатии с обществом в целом при помощи различных модусов взаимодействия, ранжирующихся от науки и образования до социальных сетей. По сути, этот диалог переступает через традиционные рамки международных отноше-

ний и обращается напрямую к общественному мнению государства пребывания. Ставя перед собой задачу привлекать на свою сторону общественность, публичная дипломатия в этой связи может рассматриваться как часть политики «мягкой силы». Публичная дипломатия с момента своего рождения, как элемента целенаправленной политики, не обходила стороной и религию. Влияние религии на жизнь людей, её неотъемлемый политический аспект делают её очевидным кандидатом для развития публичной дипломатии [Зонова 2012].

Корейских буддистов можно рассматривать как одновременно субъект и объект публичной дипломатии. Исторически корейский буддизм проник в страну как инструмент древней публичной дипломатии: именно с посольством из Ранней Цинь в Когурё в 372 году прибыл монах Сундо, привёзший сутры и изображения Будды [Болтач 1997]. В течение многих столетий спустя корейский буддизм, не теряя своей роли как местной традиции, выступал в качестве проводника континентальной культуры и инструмента китайской публичной дипломатии. Например, в X веке китайское царство Уюэ широко использовало статус основателя школы Тяньтай для улучшения отношений с Кореей и Японией: оно стало фактически единственным государством эпохи пяти династий и десяти царств, поддерживавшем посольские отношения с этими странами, благодаря чему изрядно выиграв от торговли с Кореей [Worthy 1983, стр. 35].

Даже в сегодняшнем контексте роль буддизма в публичной дипломатии Китая остаётся актуальной, например, с 1995 года в Пекине проводится ежегодная Китайско-корейско-японская буддийская конференция по дружественному взаимодействию, в которой принимают участие монахи из этих стран. Со слов высших религиозных лидеров Китая, данная конференция «способствует дружбе между тремя странами в грядущих поколениях» [Zhang 2011, стр. 56].

Нельзя не отметить роль корейских буддистов в качестве объектов публичной дипломатии и для Японии. Японские буддийские миссионеры проникали в Корею уже с конца 1870-х и немало поспособствовали возрождению буддизма в Корее. Японские буддисты прибыли в Корею в качестве модернизаторов, обладающих значительным социальным и политическим капиталом, обретённым ими в ходе реформирования своих собственных школ в централизованные и автономные организации, с целью противостояния христианским миссиям, и определяя буддизм как панази-

атскую прогрессивную религию. В то же время, деятельность японских миссионеров подготовила почву для будущей колонизации Кореи. Признав авторитет японских буддистов, некоторые корейские буддийские организации даже добровольно принимали японское покровительство. Таким образом, исторически верно говорить о том, что корейские буддисты выступали в роли объекта публичной дипломатии восточноазиатских стран [см. Ламажапов 2017].

Сами корейские власти, в то же время, редко прибегали к буддизму как к инструменту публичной дипломатии. Рождение публичной дипломатии и потребность в пропаганде автохтонных ценностей и традиций сыграли значительную роль в возвращении корейского буддизма как важного элемента публичной дипломатии на Корейском полуострове.

Развитие и цели публичной дипломатии на Корейском полуострове осложнены геополитическими аспектами, главным образом, разделением Корейского полуострова на Корейскую Народно-Демократическую Республику на севере и Республику Корея на юге. Цели и задачи публичной дипломатии в Южной Корее официально закреплены в «Первой стратегии публичной дипломатии на период с 2017 до 2021 года», утверждённой согласно закону «О публичной дипломатии». В этом документе Министерства иностранных дел Республики Корея описаны видение, основные цели и задачи, трудности и стратегия ведения публичной дипломатии страны. Основными целями публичной дипломатии Кореи являются улучшение имиджа страны за границей, формирование видения Кореи как государства с богатым культурным наследием, создание поддержки для корейской международной стратегии, в особенности касательно вопроса объединения Кореи [Министерство иностранных дел Республики Корея 2017].

Стратегия публичной дипломатии сосредотачивается не только на завоевании сердец и умов иностранцев, но и на понимании важности внутреннего общественного мнения и поддержки внешней политики дома. Южнокорейская парадигма публичной дипломатии позволяет убедиться, что корейское правительство понимает чувства своих граждан, помогает им определять основы своей внешней политики. Южнокорейские граждане уже используют сайты социальных сетей в целях общественного контроля, а правительство функционирует более гибко, выслушивая своих

граждан и используя их советы для проведения публичной дипломатии [Cho 2012, стр. 294].

Именно южнокорейские буддисты во многом определили некоторые важные дипломатические решения. Так, в ноябре 2013 года правительство Кореи согласилось оказать финансовую поддержку ЮНЕСКО для строительства культурного центра «Бамиан» в Афганистане на месте разрушенного талибаном в 2001 году статуи Будды, выделив на его строительство 1,9 миллион долларов США [Министерство иностранных дел Республики Корея 2014].

Организованные корейским правительством мероприятия буддистской публичной дипломатии на Западе, в основном направлены на продвижение традиционной корейской культуры. В декабре 2011 года Национальный центр Гугак (국립국악원) Южной Кореи, находящийся под покровительством Министерства культуры, с миссией по продвижению корейской культуры в мире, спонсировал концерты корейской буддистской музыки во Франции и Германии. Так, во время саммита «Большой двадцатки» в Сеуле (2010 г.), «Вон буддизм Манхэттена», аккредитованная ООН НКО, представляющая современную ветвь корейского буддизма, провела саммит по этике религии и культуры, и глобальному лидерству [Zhang, 2012].

Основу мягкой силы буддизма Кореи составляет школа Чоге (조계종, 曹溪宗), которая активно прикладывает усилия к глобализации корейского буддизма, во многом ориентируясь на тибетский опыт. Школа Чоге активно участвует в миссионерской деятельности, создавая центры на западе для привлечения иностранцев, перевода буддийских трактатов и лекции на иностранные языки и расширяя контакты с сангхой за границей. Уже в 2007 году корейские буддисты открыли Буддийскую английскую библиотеку Сеула (BELS) в рамках подготовки к глобализации корейского буддизма, а в последствии проводили многочисленные конференции, направленные на создание благоприятного имиджа корейского буддизма за границей [Zhang, 2012]. В целом, школа ставит своей целью содействие поддержки национальной дипломатической стратегии. Так, президент школы Чоге монах Джасын заявил в 2011 году, что корейский буддизм может помочь становлению национального статуса Кореи в мире [Do 2011].

В июне 2012 года школа Чоге и аффилированный Центральный совет мирян организовали 26-ю всемирную Конференцию братства буддистов в

городе Йосу в Южной Корее, приняв около 400 делегатов из 30 стран. Однако во время конференции возник спор, когда китайская делегация безуспешно потребовала исключить делегацию тибетских беженцев из участия в конференции и покинула её раньше времени в знак протеста. В официальном заявлении школа Чоге раскритиковала действия китайцев, указав на то, что тибетское участие одобрено братством буддистов, а протест китайской делегации против участия Тибета в конференции идёт вразрез с буддистскими ценностями [Kim 2012]. В 2016, спустя всего 4 года, 28-я Конференция братства буддистов вновь прошла в Корее.

Возможно, главной программой по продвижению и ознакомлению с корейской культурой является, начатая в 2002 году, программа пребывания в храме. Туристов, иностранцев и студентов приглашают на пару дней остановиться в одном из крупных буддийских монастырей по всей стране и испытать традиционный образ жизни монаха. Эта программа изначально возникла благодаря необходимости размещения наплыва туристов в Сеуле во время проведения кубка мира по футболу, однако корейское правительство, увидев её невероятный успех, взяло эту программу на долгосрочное вооружение. В контексте корейской индустрии наследия, программа пребывания в монастыре вводит новое неосязаемое культурное содержание в монастыри и, таким образом, способствует трансформации идентичности корейских храмов, главным образом, из духовных центров во всеобъемлющие центры корейского национального наследия, добавляя совершенно новую социальную функцию для буддийских монастырей Кореи [Karlan 2010].

Вероятно, наиболее важной миссией корейской буддистской публичной дипломатии является укрепление отношений с Северной Кореей. Самым крупным совместным проектом с буддистами Севера является реставрация одного из старейших и наиболее важных монастырей Кореи – монастыря Рёнътонъса (령통사, 靈通寺), неподалёку от столицы Корё Кэсона. Переговоры о реставрации этого храма начались ещё в конце 90-х годов, а реставрационные работы были закончены в 2005 году. Инициатором реставрации была корейская секта Чхонтхэ (천태종, 天台宗), а в Северной Корее с ними сотрудничал Северокорейский союз буддистов (조선불교도련맹). На церемонии открытия присутствовали в общей сложности 500 буддистов, в том числе 300 южнокорейцев, 200 северокорейцев и корейцев, живущих в Японии [Мун 2005]. Исключительно рели-

гиозный подтекст данного общения успокаивает правительство Северной Кореи, благодаря чему южнокорейские монахи регулярно посещают храм и проводят совместные церемонии с северокорейцами. Так, в 2015 году состоялась крупная церемония по поводу десятилетия восстановления храма. В условиях усложнившихся двусторонних отношений, на сегодняшний день монахи являются практически единственными южнокорейцами, посещающими Север. По мнению профессора северокорейских исследований Университета Донгук Ким Ёнхёна, Северная Корея предпочитает поддерживать буддизм, являющийся, в отличие от христианства, традиционным, автохтонным, чтобы подчеркнуть его этническую принадлежность, но только до тех пор, пока он не угрожает стабильности режима [Мун 2017].

В результате успеха монахов Чхонтхэ, буддийская дипломатия стала играть крупную роль в отношениях Южной Кореи с Севером. На празднование Дня рождения Будды (Весак) в 2012 году орден Чоге пригласил президента буддийской федерации Северной Кореи присоединиться к церемонии в Сеуле. Крупные буддийские монахи посетили Северную Корею по приглашению Корейского совета религий Севера в 2011 году в рамках усилий по возвращению двух Корейцев на путь примирения и сотрудничества. Буддисты в двух Кореях сотрудничали в поисках и возврате корейских культурных реликвий из США и Японии [Zhang 2012].

Хотя совместная работа северо- и южнокорейских буддистов поначалу вселяла надежду на улучшение двусторонних отношений (особенно на Юге), Северная Корея быстро разочаровалась в успехе этих мероприятий. В 2010 году запрос ордена Чоге на разрешение посетить Северную Корею для переговоров по расширению буддийских обменов между двумя Кореями был отклонён Пхеньяном после того, как министерство унификации Южной Кореи одобрило поездку [Zhang 2012]. По заявлениям официальных северокорейских информагентств, «восстановление Рёнътоньса не выполнило свою роль в спряжении корейцев для воссоединения, а конфронтация между Севером и Югом продолжает углубляться» [Korean Central News Agency 2013].

Таким образом, буддистская публичная дипломатия стала относительно успешным орудием в инструментарии корейских дипломатов, несмотря на то, что буддизм – религия меньшинства в Южной Корее (не говоря о Северной Корее где, строго говоря, практически нет практикующих

буддистов), а его последователи составляют всего четверть населения страны. Успех и влияние буддистской дипломатии, в первую очередь, обусловлены тяготением корейской культуры к буддизму, а также социальным запросом на буддистскую дипломатию внутри страны.

Литература

Do, J. Korea's isolated Buddhism opening doors // Korea Times. 2011. 27.12.

Kaplan, Uri. Images of Monasticism: The Temple Stay Program and the Re-branding of Korean Buddhist Temples // Korean Studies. 2010. № 4. С. 127-146.

Kim, You Jin. S. Korean Buddhists regret China's boycott of world conference // Yonhap News. 2012. 14.06.

Worthy, Edmund H. Diplomacy for Survival: Domestic and Foreign Relations of Wü Yueh, 907-978 // China Among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th-14th Centuries. Berkley: University of California Press, 1983. С. 17-44.

Zhang, Juyan. Buddhist Diplomacy: History and Status Quo // CPD Perspectives on Public Diplomacy. 2012. №7. С. 5-61.

Zhang, Juyan. China's Faith Diplomacy: Initiatives and Vulnerabilities // CPD Perspectives on Public Diplomacy. 2011. №8. С. 49-65.

Болтач Ю.В. Из истории корейского буддизма // Вестник Центра корейского языка и культуры, вып. 2. СПб., 1997. С. 244-256.

Джеочха Хан-ЮНЕСКО Синдаккигымсаор Комдохвеуи Бангок Кэчхве // Сайт Министерства иностранных дел Республики Корея. URL: http://www.mofa.go.kr/news/pressinformation/index.jsp?mofat=001&menu=m_20_30&sp=/webmodule/htsboard/template/read/korboardread.jsp%3FtypeID=6%26boardid=235%26tableName=TYPE_DATABOARD%26seqno=349343.

Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО – инструмент доверия или агент влияния? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 7.08.2012. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681.

Ламажапов Э.Л. Модернизация корейского буддизма в современном поликонфессиональном пространстве // Сборник материалов международной научной конференции «Мир Центральной Азии – IV». Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2017.

Министерство иностранных дел Республики Корея. «Джеильчха Дэханмингук коньгонъвегё кибонгйехвек (2017-2021)» от 10.08.2017. Сайт Министерства иностранных дел Республики Корея. 2017 г. URL: http://www.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/korboardread.jsp?typeID=6&boardid=234&seqno=366226&c=&t=&pagenum=1&tableName=TYPE_DATABOARD&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du=.

Мун, Гванхён. Буге 'мори кырыго кёрхонхан' сынърё 300ё мён хвальдонъ // Yonhap News. 2017. 03.05.

Мун, Сонгю. Чхонтхээджон `сонъджи' ёндонса 500 нёнмане боквон // Yonhap News. 2005. 31.10.

Рёндонсабоквон ётолб толсгинём джоуктонъильгивон бунгамбульгёдо хабдонъбобхве // Korean Central News Agency URL: <http://www.kcna.co.jp/calendar/2013/11/11-07/2013-1107-021.html> (дата обращения: 2017.10.10).